

СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ О РЫНКЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ДЛЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ МАНУФАКТУР В 20—40-х ГОДАХ XVIII ВЕКА *

Н. И. Павленко

Вопрос о рынке рабочей силы для металлургических предприятий мануфактурного типа в 20—40-х годах XVIII в.—одна из коренных проблем изучения социально-экономической природы русской мануфактуры.

В настоящей статье из многообразного комплекса факторов, оказывавших большее или меньшее влияние на образование рынка рабочей силы и, следовательно, на социально-экономическую природу русской мануфактуры, мы остановимся на двух: во-первых, на роли экспорта и, во-вторых, на роли надстройки, абсолютистского государства. Не являясь определяющими, оба эти фактора имели важное значение в истории русской мануфактуры и поэтому заслуживают внимания. Кроме того они совсем не изучены.

Конкретный материал, которым мы располагаем, относится к предприятиям всей металлургической промышленности России. Однако мы остановимся лишь на так называемых купеческих мануфактурах, так как применение принудительного труда на казённых и вотчинных заводах является настолько бесспорным фактом, что не нуждается в дополнительной аргументации.

Анализ материала, рассмотренного в свете указаний И. В. Сталина о роли надстройки, даёт возможность проследить влияние государства на социально-экономическую природу купеческой мануфактуры 20—40-х годов XVIII века.

К началу XVIII в. крупная металлургическая промышленность России насчитывала десятки лет своего существования. В 30-х годах XVII в. был пущен первый в стране вододействующий чугунолитейный и железоделательный завод. В металлургические предприятия стали вкладывать свои капиталы отдельные представители знати и купечества: бояре И. Д. Милославский и Б. И. Морозов, гости С. Гаврилов, В. Воронин, Н. Аристов и др. В конце века близ Тулы вододействующий завод поставил Н. Демидов.

По подсчётам Б. Б. Кафенгауза, в России конца XVII в. было 21 металлургическое предприятие мануфактурного типа¹. Все эти предприятия не могли, однако, обеспечить потребности страны в металле. Высокосортное железо значительными партиями доставлялось из Швеции. Даже в тот год, когда началась Северная война, Большая московская таможня зарегистрировала привоз 34 572 пудов полосного и дошатого железа². В связи с началом военных действий привоз железа в Россию значительно сократился, что при увеличении спроса на него со стороны военных ведомств привело к повышению цен на железо в два — три раза.

Начавшаяся война заставила правительство Петра I принять энергичные меры к развитию отечественной металлургической промышленности. На базе уральской руды средствами казны был создан новый металлургический район, в короткое время оставивший позади более старые железорудные бассейны России. Затянувшаяся война опре-

* Сокращённый параграф из готовящейся к печати монографии.

¹ См. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX в. Т. I, стр. 24 М.-Л. 1949.

² См. там же, стр. 42.

делила профиль уральской казённой металлургии — её продукция носила военный характер или удовлетворяла хозяйственные потребности государственных учреждений.

Война оказала влияние на ассортимент изделий и других металлургических районов страны. Не говоря уже о заводах специального назначения олонечкой и липецкой групп. к военной конъюнктуре приспособлявала своё производство и частная промышленность центрального металлургического района. Так, в 1705 г. в Оболенском уезде, близ деревни Меньшовки, был построен доменный завод «для литья ружейных артиллерийских припасов»³. В 1707 г. на р. Дугне Н. Демидов поставил вододействующий завод с двумя домнами, выполнявший правительственные заказы на литьё пушек, ядер и бомб.

Надо полагать, что созданная к середине второго десятилетия отечественная промышленность полностью обеспечивала военные и хозяйственные потребности казны, ибо правительство изменило свои требования к частным предпринимателям, освободив новых промышленников от обязательных поставок. Так, посадский человек Л. Логинов, построивший Истинский завод в 1717 г., уже был освобождён от этих поставок и, воспользовавшись правом «повольной» продажи, готовил продукцию на рынок: котлы, казаны и другое чугунное литьё.

Курс правительства на отмену ограничений в сбыте изделий предприятий чёрной металлургии был затем сформулирован в важнейшем документе горного законодательства — Берг-привилегии 1719 года. Пункт 15 этого горного манифеста разрешал промышленникам «отдавать металлы, яко железо, олово, свинец и всякие минералы... кому хочет».

Ту же линию проводила Берг-коллегия — специальное учреждение по руководству металлургической промышленностью. В 1720 г. она послала на Урал Татищева и Блиера для организации медеплавильного производства. Когда же Татишев приступил к строительству железодельного (Екатеринбургского) завода, то Берг-коллегия выразила явное неудовольствие этим его шагом, заявив, что подобных заводов в России «езде довольно» и поэтому следует сосредоточить усилия на строительстве медеплавильных и серебрсплавильных предприятий⁴.

Освобождение частных предприятий чёрной металлургии от обязательных поставок и отказ Берг-коллегии от строительства новых чугунолитейных заводов на средства казны показывают, что чёрная металлургия, по мнению правительства, справилась со стоявшими перед нею задачами. Однако не прошло и двух лет, как отношение правительства к дальнейшему расширению чугунолитейного и железодельного производства изменилось.

Победоносное окончание войны открыло торговый путь на Запад. У правительства появилась возможность добиться того, чтобы вывоз товаров превышал ввоз. Европейский рынок предъявлял громадный спрос на уральское железо⁵. Это оказало значительное влияние на дальнейший темп развития металлопромышленности России. Вслед за заключением в 1722 г. контракта с английским купцом Мейером Пётр I в 1724 г. распорядился продавать всё казённое железо за границу⁶.

Характерно, что инструкция Геннину 1722 г. в отличие от аналогичного документа, адресованного Татищеву в 1720 г., предлагала расширить не только медеплавильное производство, но и железодельное, а в инструкции, датированной 1725 г., указывалось на необходимость «сколько возможно тшиться» увеличить отпуск казённого железа «за море»⁷.

³ Этот по существу военный завод действовал до 1731 г. и затем был закрыт. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА); ф. Берг-коллегии, кн. 1077, лл. 316, 323.

⁴ Там же, кн. 618, лл. 48, 49, 134.

⁵ Основным потребителем русского железа выступала Англия, собственная металлургическая промышленность которой вследствие истребления лесов с начала XVIII в. стала приходить в упадок. См. П. М а н т у. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М. 1937; А. К е п п е н. Материалы для истории и статистики железной промышленности России. «Внешняя торговля и тариф», кн. 1. Спб. 1896.

⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 769, л. 376.

⁷ В. Б е р х. Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина, основателя российских горных заводов. «Горный журнал», кн. V за 1826 г., стр. 141.

Во исполнение этих указаний на Урале в ближайшее пятилетие развернулась энергичная деятельность по строительству новых заводов. Помимо Екатеринбургского завода, пущенного в 1723 г., в 1726—1727 гг. начали работу три новых молотовых завода: Верхисетский, Синячихинский и Верхнеуктусский. Затем в казённом строительстве наступило некоторое затишье. В последующие шесть лет был пущен только один молотовый завод — Сысертский (1733).

Строительство новых заводов было возобновлено во второй половине 30-х годов и опять-таки было связано с возросшим спросом внешнего рынка на русское железо. В 1732 г. Коммерц-коллегия, в ведомство которой перешли частные и казённые металлургические предприятия России, подрядилась продавать английским купцам Шифнеру и Вульффу не менее 200 тыс. пудов казённого железа в год. Между тем производственная мощность всей казённой промышленности Урала в это время только приближалась к выпуску требуемого количества железа.

В 1732 г. Гениину были направлены специальные указы, обязавшие его «железо для исполнения того контракта больше отпуском умножать к С.-Петербургскому порту». На внутреннем рынке была разрешена продажа только «остаточного от С.-Петербургского отпуска» казённого железа. Эти указы предлагали организовать поиски рудных месторождений и строительство новых предприятий⁹. Инструкция 1734 г. командированному на Урал Татищеву указывала как на основную задачу его деятельности увеличение количества отправляемой на внешний рынок продукции и улучшение её качества. Приехав на Урал, Татищев в 1734—1735 гг. начал строительство семи новых заводов, из которых пять было железоделательных и чугунолитейных и два медеплавильных.

По нашим подсчётам, в течение 1720—1742 гг. 77,8% осового вида продукции уральской казённой промышленности — полосового железа — отправлялось в Петербург для продажи за границу, 18,9% потреблялось на внутривзаводские расходы, и только 3,3% неравномерно распределялось между внутренними потребителями: лом продавался при заводах купцам и местному населению, часть продукции отвозилась на московский рынок, и, наконец, некоторая доля припасов потреблялась государственными учреждениями. Эта последняя едва составляла 1—2% от общего количества полученного металла.

Таким образом, развитие казённой металлургической промышленности стимулировалось укреплением внешнеторговых связей России. Этот вывод вытекает не только из анализа законодательства, но и мероприятий, проводившихся в жизнь соответствующими учреждениями. Так, в 20—30-х годах XVIII в. казна начала строительство новых предприятий в связи с увеличением спроса на уральское железо со стороны заграничных покупателей. К этому же времени относится исчезновение казённого железа с внутреннего рынка.

Внешнеторговые связи оказывали влияние также и на развитие частной промышленности, ускоряя её рост, хотя в целом торговые связи частной промышленности с внутренним рынком были более тесными, чем промышленности казённой. Если казна в иные годы совершенно запрещала продажу железа внутри страны, то большинство частных предпринимателей продавало изделия своих заводов только на внутреннем рынке. Это прежде всего относится к заводоладельцам, чьи предприятия находились в более или менее экономически изолированных районах. Таковы Кирсинский завод Вяземского и Курочкина и Ангинский завод Ланина. Первый находился в Вятской провинции и основную массу продукции поставлял в Хлынов; второй был расположен в Иркутской провинции. Эти небольшие заводы готовили чугунное литьё и мелкие поделки из железа для нужд местного рынка.

Вторую группу заводов этого типа составляли предприятия центрального металлургического района. Возможности для сбыта за границу (в смысле транспортных удобств) у таких заводоладельцев, как Рюмины, Миляковы, Дунилов и др., были, несомненно, большие, чем у енисейского купца Ланина, но и они обходились без внешнего рынка; у каждого было небольшое предприятие, ежегодная продукция которого лишь изредка превышала 10 тыс. пудов чугуна.

Наконец, третью группу заводоладельцев составляли предприниматели, обеспечивавшие продукцией своих заводов собственное хозяйство. К ним относятся заводола-

⁹ См. Полное собрание законов (ПСЗ). Т. VIII, №№ 6108, 6707.

дельцы Строгановы, Осокины, кн. А. М. Черкасский. У этой группы продажа железа на внутреннем рынке производилась, повидимому, в весьма скромных размерах. Хотя и трудно согласиться с доношением приказчика Карачаровского завода кн. А. М. Черкасского, что вся продукция целиком употреблялась «про домовый его сиятельства обиход» и совершенно не продавалась на внутреннем рынке, но нет сомнения, что товарного железа, просачивавшегося в «повольную» продажу, минуя таможенное обложение, много быть не могло. Мощность завода была невелика, и основная масса изготовленного им металла поглощалась крупным сельскохозяйственным производством вельможи. Подобное же назначение имели предприятия Строгановых и Осокиных, с той только разницей, что они обслуживали не сельскохозяйственное производство, а соляные промыслы и медеплавильные заводы.

В течение девяти лет (1734—1742) на Билимбаевском заводе Строгановых было выковано 92 049 пудов железа, из которого был продан 4 791 пуд, что составляет лишь немногим больше 5% всей продукции завода. В ещё меньшем количестве продавались чугунные изделия. За это время было выплавлено 168 369 пудов чугуна, а продано только 887 пудов, что составляет 0,5% общего количества чугуна. Не исключена возможность, что Строгановы продавали какую-то долю железа и чугуна в других городах, но самый ассортимент готовых изделий Билимбаевского завода свидетельствует о специальном профиле производства, призванного обслуживать солеваренные промыслы владельца: црепные и крышечные плиты, уклад, колотушечное и дужное железо, котлы и т. п.⁹

В таком же примерно положении находились предприниматели Осокины, которые, кроме Иргинского железоделательного и медеплавильного завода, владели соляными промыслами и Юговским медеплавильным предприятием. Соляные промыслы Осокиных были меньших размеров, чем промыслы Строгановых, и поэтому связь Иргинского завода Осокиных с внутренним рынком была более тесной¹⁰.

К концу 30-х годов XVIII в. в России насчитывалось 14 частных владельцев (единоличных и компанейских) чугунолитейных и железоделательных заводов. Из них 8 заводовладельцев относились к трём рассмотренным выше группам предпринимателей; остальные 6 заводовладельцев принадлежали к числу крупнейших в России промышленников и поставляли основную массу товарной продукции. По нашим подсчётам, за двадцатилетие (1720—1739) на частных вододействующих заводах России было выплавлено 10,4 млн. пудов чугуна, из которых на долю заводовладельцев, не продававших металл за границу, приходилось только 951 554 пуда, то есть 9,1%. Из этого, конечно, не вытекает, что остальные 90,9% производившегося чугуна или изделий из него вывозились на внешний рынок. Приведённые цифры являются показателем высокой концентрации производства в руках немногих промышленников и степени связи предпринимателей России с внешним рынком.

Первое место среди них, несомненно, принадлежит А. Демидову. Его заводы уральской и тульской групп за рассматриваемое двадцатилетие дали не менее 6 496 479 пудов чугуна, или 62,5% общей продукции частновладельческих предприятий России. По данным Б. Б. Кафенгауза, за последние три года первой половины XVIII в. (1748—1750) вывоз железа за границу у А. Демидова составлял две трети общего количества всей продукции. Данные Кафенгауза не расходятся с имеющимися в нашем распоряжении сведениями, относящимися к более раннему периоду. Так, по справке петербургской таможни, с заводов А. Демидова в заморский отпуск было отпущено с 1736 по 1738 г. 359 399 пудов железа¹¹.

За эти же три года на всех заводах А. Демидова, по неполным данным, было выплавлено 940 776 пудов чугуна и могло быть выковано не менее 600 тыс. пудов железа, следовательно, количество отправленного за границу железа составляло примерно три пятых всей продукции. Эти данные вскрывают динамику связей с внешним рынком крупнейшего в России заводовладельца.

Аналогичное явление мы можем наблюдать у других крупных заводовладельцев. Так, Меллеры начали использовать заморский отпуск ещё в 20-х годах XVIII в., но тогда

⁹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1510, лл. 484—485.

¹⁰ См. ПСЗ. Т. X, № 7268. Резолюция кабинет-министров от 1 июня 1739 года.

¹¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 987, лл. 210—214.

доставка железа в Петербург не была систематической. В 1720—1730-х годах они доставляли железо в Петербург только пять раз. Однако по мере появления в центральном металлургическом районе новых предпринимателей и некоторого расширения собственного производства возможности сбыта на внутреннем рынке относительно сократились, и Меллеры стали отправлять свой товар за границу. В 30-х годах петербургская таможня отметила ежегодную продажу ими за границу значительных партий железа¹².

Отмеченное выше явление с наибольшей рельефностью прослеживается на промышленном хозяйстве двух заводоладельцев — Баташевых и Мосоловых, построивших металлургические предприятия лишь в первой трети XVIII века. Братья Баташевы пустили первый завод (Тульский) в 1717 г., в 1728 г. вошёл в строй их второй чугунолитейный завод — Медынский. В 20-х и начале 30-х годов XVIII в. продукция обоих заводов находила сбыт внутри страны, часть её продавалась при заводах, но большую долю заводоладельцы отвозили в Тулу, Астрахань, Севск, Смоленск, Брянск, Москву и другие города, а также на Макарьевскую ярмарку. Это обычный перечень городов преимущественно юга и центра России, которые использовались предпринимателями центрального металлургического района для сбыта своих изделий. Но уже в 1736 г. петербургская таможня отметила первую продажу Баташевыми небольшой партии железа за границу.

Мосоловы начали постройку своих предприятий несколько позже: Мышегский завод был пущен в 1730 г., а Шанский — в 1733 году. Необычайно быстрый рост промышленного хозяйства этого заводоладельца был связан с широким использованием внешнего рынка. В 1732 г. на заводах Мосоловых было выплавлено 46 920 пудов, а в 1739 г. — 88 957 пудов чугуна. Первый раз Мосоловы отправили свою продукцию в «дальний отпуск» в Ригу в 1733 г., где было продано 4 263 пуда железа и 1 367 пудов чугуна. В 1738 г. Мосоловы продали за границу 3 200 пудов железа, а в 1739 г. — 10 015 пудов¹³.

Характерна техническая структура промышленного хозяйства Мосолова, рассчитанная не столько на выпуск чугунного литья, продававшегося внутри страны, сколько на производство железа, на которое предъявлял спрос внешний рынок: у М. Мосолова к 1740 г. в ходу были две домны, продукция которых в дальнейшем перерабатывалась на 3 молотовых заводах с 13 молотами.

Имеющийся материал позволяет сделать несколько наблюдений. Во-первых, внутренний рынок продолжал довольствоваться преимущественно продукцией мелкого производства. Это легко объяснить, если учесть, что кричное железо сыродутых крестьянских горнов продавалось в полтора — два раза дешевле продукции вододействующих предприятий. Массовый потребитель железа — крестьянин — покупал его у мелких производителей.

Внутренний рынок поглощал главным образом ту часть продукции вододействующих предприятий (чугунное литьё), которую не в состоянии был изготовить мелкий производитель. Железо вододействующих заводов стоило дорого и использовалось не для изготовления предметов широкого потребления, а на поделки, требовавшие высококачественного материала. Не случайно в роли основного внутреннего потребителя железа вододействующих предприятий центрального металлургического района выступали тульские оружейники, которым было запрещено изготавливать оружие из низкосортного металла.

Но хотя производственная мощность крупных предприятий металлургической промышленности России превосходила внутренние потребности страны в металле, наблюдался её непрерывный рост, что было обусловлено спросом на русское железо со стороны внешнего рынка. Железо превратилось в основной экспортный товар, и металлургическая промышленность страны с господствовавшими в ней феодально-крепостническими отношениями была втянута в прочные торговые связи с капиталистической экономикой Англии и Голландии.

Во-вторых, внешнеторговые связи, ускорявшие развитие промышленности, оказали немаловажное влияние на социально-экономическую природу мануфактуры в металлургической промышленности. Из этого, конечно, не следует, что в экономике России

¹² Там же.

¹³ Там же.

отсутствовали внутренние предпосылки для строительства крупной промышленности; напротив, они существовали, были подготовлены всем предшествующим развитием производительных сил, и именно это обеспечило успех русского железа на европейском рынке.

Рост экспорта продукции металлургической промышленности опережал рост рынка рабочей силы и наряду с другими причинами содействовал применению принудительного труда.

Известно, что казённая промышленность Урала в течение примерно двух десятилетий после своего возникновения в какой-то мере обслуживалась вольнонаёмным трудом. К концу первой половины XVIII в. вольнонаёмный труд стал редким явлением на казённых заводах. По подсчётам материалов переписи 1744—1745 гг., на 12 казённых заводах и 2 рудниках Урала значился 1 871 рабочий, из которых вольнонаёмных вместе с прочими был 31 человек, что составляет 1,7% от общего числа, причём наиболее интенсивное привлечение принудительного труда (преимущественно рекрутов, взятых по указу, и ссыльных) приходится на 1722—1724 и 1734—1736 гг., связанные с введением в строй новых заводов и расширением экспортных операций правительства. Аналогичный процесс перехода к использованию принудительного труда прослеживается на заводах крупного промышленника Урала — А. Демидова. С внешним рынком были связаны также все частные заводовладельцы центрального металлургического района, у которых выплавка чугуна превышала 40—50 тыс. пудов в год. Рост промышленности вызывал здесь острую борьбу главным образом за квалифицированную рабочую силу, следствием чего было прикрепление её к заводам.

Таким образом, на формирование рабочей силы на металлургических мануфактурах оказывали влияние не только процессы, происходившие внутри страны, но и вывоз железа за границу, ускорявший развитие металлургии. Причём чем значительнее был отрыв развивавшейся металлургии от темпов социально-экономических сдвигов, происходивших в отдельных районах страны, тем это влияние было сильнее.

В некоторых странах Западной Европы «поставленный вне закона пролетариат поглощался развивающейся мануфактурой далеко не с такой быстротой, с какой он появлялся на свет»¹⁴. Развитие русской металлургической промышленности произошло, наоборот, значительно быстрее процесса разложения крестьянства и выделения из его среды лиц, лишённых средств производства и, следовательно, вынужденных продавать свою рабочую силу.

Историю прикрепления рабочих к заводам следует рассматривать как длительный и сложный процесс, аналогичный прикреплению крестьян к земле. Как Уложение 1649 г. лишь окончательно оформило установившиеся задолго до этого отношения, так указы 1721 и 1736 гг. оформили законом отношения в промышленности, начавшие исподволь складываться ещё в XVII веке.

Конечно, каждый предприниматель, если он не принадлежал к привилегированному дворянству и не имел собственных крепостных крестьян, начинал своё производство, ориентируясь на применение вольнонаёмного труда. Это в одинаковой мере относится и к первому владельцу вододействующего завода А. Винусу, построившему его в 1636 г., и к енисейскому купцу Ф. Ланину, пустившему своё предприятие через сто с лишним лет, в 1740 году. Применение принудительного труда — явление более позднего порядка, возникшее уже на действующем заводе.

В одних случаях принудительный труд являлся результатом правительственных мероприятий — приписки государственных крестьян. Однако дворянскому государству для того, чтобы санкционировать участие купца в эксплуатации крепостных крестьян, были необходимы вещественные доказательства жизнеспособности начатого им дела. Поэтому приписка государственных крестьян к заводам практически производилась значительно позже постройки или начала работы предприятия.

В других случаях сам предприниматель в своей частной практике взаимоотношений с рабочими прибегал к насаждению крепостнических порядков на заводе. Иногда предприниматель использовал предоставленное ему феодальным государством право покупать рабочую силу — крепостных крестьян. Наконец, государство закрепляло за

¹⁴ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 737. Госполитиздат. 1949.

заводами мастеровых, превращая их в крепостных, в объект внеэкономического принуждения. Чаще всего на формирование состава рабочей силы оказывали влияние все перечисленные условия.

Тенденцию к закреплению рабочих за заводом можно проследить ещё во второй половине XVII века. Исследователи обычно обращают внимание на те места публикации «Крепостная мануфактура», которые подтверждают наличие актов свободного найма рабочих и игнорируют те указания, на основании которых можно проследить дальнейшую судьбу попавшего на завод рабочего. Если законодатель рекомендует «наймовать к тому делу всяких русских людей по доброту, а не в неволю», то, очевидно, ему были известны факты противоположного характера. Но если сделка заключалась и «по доброту», то в соответствующих пунктах грамот XVII в. имелись положения, лишавшие рабочего возможности распоряжаться своей рабочей силой как товаром.

Из жалованной грамоты Марселисам, датированной 1674 г., видно, что появлению в России двух самостоятельных заводоладельцев сопутствовало издание указов, ограничивавших право рабочего свободно, «по доброту», переходить от одного заводоладельца к другому¹⁵. Этим правом рабочий мог воспользоваться только с разрешения заводоладельца, не в интересах которого было расставаться с мастеровыми людьми своего предприятия.

Стремление к прикреплению мастеровых к заводу было обусловлено прежде всего недостатком квалифицированной рабочей силы. В этих условиях заводоладелец считал убыточным расставаться с работником, овладевшим сложной специальностью металлурга, тем более что предприниматель нес некоторые издержки на его обучение. Размер этих издержек, если верить Л. Давыдову, приказчику Мосоловых, определялся в 100 рублей, но независимо от этой преувеличенной суммы правительство считалось с затратами на обучение и в качестве компенсации за них отдавало ученика в распоряжение заводоладельца сроком до семи лет¹⁶.

«Рабочее» законодательство 20-х и 30-х годов XVIII в. продолжало развивать наметившуюся ранее тенденцию закрепления рабочих за определённым предприятием. Каждая из выданных в первые годы существования Берг-коллегии привилегий на право строительства завода указывала промышленнику «беглых, солдат и воровских людей отнюдь держать не велеть»¹⁷, в то же время Пётр I издал указ 18 июля 1722 г., «чтоб до нашего возвращения никому ни с которой фабрики учеников и работников, чьи б они ни были, хотя и беглые явятся, не отдавали и взятых возвратили».

Этот указ имел важное значение в истории формирования рабочего класса России, создания принудительного труда на мануфактурах. Из распоряжения Петра явствует, что число рабочих людей, на которых претендовали законные владельцы, составляло изрядный процент от общего количества рабочих. В мотивировочной части распоряжения Пётр соглашается с «интересантами фабрик», заявившими, что от возвращения беглых предприятиям «чинится остановка»¹⁸.

Не менее выразительным показателем противоречивого характера политики абсолютизма в «рабочем» вопросе и острой борьбы промышленников за рабочую силу является пункт 12 регламента Мануфактур-коллегии 1723 года. В нём предписывалось «учеников и прочих работных людей» нанимать «со уговором достойной платы» и в то же время вводился сторублёвый штраф за приём рабочего, не дожившего урочных лет на заводе, «чтоб, ведая оное, с одной фабрики на другие подзывать не дерзали»¹⁹. Объективным следствием этого указа являлось стремление каждого заводоладельца удлинить срок «урочных лет».

Указ 26 июня 1724 г. несколько сузил толкование указа 1722 г. о беглых, низвёл его широкое, повсеместное распространение до индивидуального подхода к каждому беглому. Если указ 1722 г. оставлял всех беглых за предпринимателями, то указ 1724 г. обязывал предпринимателя в каждом отдельном случае доказывать, что беглый обучился какому-либо мастерству и в дальнейшем «весьма нужен будет». Кроме того вла-

¹⁵ См. «Крепостная мануфактура». Ч. 1-я, стр. 289. Л. 1930. Это положение было подтверждено далее в грамоте 1675 года (там же, стр. 310).

¹⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 89, л. 170.

¹⁷ Там же, д. 91, лл. 195, 379; д. 89, лл. 291, 338—339 и др.

¹⁸ ПСЗ. Т. VI, № 4055.

¹⁹ Там же. Т. VII, № 4378.

делец беглого был обеспечен компенсацией: помещик вправе был получить от заводо-владельца 50 рублей ²⁰.

В 1732 г. правительство издало ещё один указ о беглых на мануфактуре, причём этот указ смягчал условия указа 26 июня 1724 г., ибо не требовал от заводо-владельца никаких доказательств, что без беглого, обучившегося мастерству, он «проняться не может». Указ обязывал переписать всех мастеровых людей, учеников и работников, но предупреждал, чтобы все они были оставлены при мануфактурах ²¹.

Рассмотренные мероприятия правительства Петра I и его преемников по обеспечению промышленных предприятий рабочей силой дают основание считать указ 7 января 1736 г., оставлявший «вечно при фабриках» не только обученных рабочих, но и их детей, всего лишь окончательным оформлением длительного процесса превращения вольнонаёмного рабочего в крепостного мануфактуры. Указы 1722, 1724 и 1732 гг. наделяли предпринимателя условными правами на оставленных при заводах рабочих; их пребывание там ограничивалось каким-то неопределённым сроком («впредь до указу»). По указу 1736 г. рабочие и их потомки поступали в распоряжение завода на неограниченное время.

Вместе с тем «рабочее» законодательство отражает колебания правительства в вопросе обеспечения рабочей силой крупных предприятий: абсолютизм пытался решить эту сложную для того времени проблему так, чтобы создание необходимых для развития промышленности условий не ущемляло в то же время и владельческих прав помещиков.

Однако в вопросе формирования рабочей силы на заводах недостаточно учитывать только влияние правительственных мероприятий. Перечисленные указы оставляли на заводах рабочих, находившихся там ко времени проведения переписей. Совершенно очевидно, что если предприниматель строил первый завод в промежутках между этими указами, то рабочая сила в этом случае состояла из юридически независимых от него рабочих. В данной обстановке активную роль в прикреплении рабочего к заводу и внедрении внеэкономических форм принуждения играли сами промышленники. Выдачей авансов или систематической недоплатой жалования, жилыми записями и прочими приёмами, в применение которых предприниматель вкладывал немало изобретательности, вольнонаёмный рабочий превращался в объект внеэкономического принуждения.

В этом отношении показательна история с бегством двух рабочих с Шанского завода Мосоловых. Оба рабочих — молотовые работники Иван Соловьёв и Архип Похвалин — по переписи 1737 г. были записаны за Шанским заводом Мосолова. О них сообщаются следующие данные: «Молотовой работник Иван Соловьёв Тарусского уезду, Мыжегского стану церкви Рожества богородицы на речке Мыжек, дьяков сын, с 1735 году при Мыжевских Мосолова заводех работает, а в подушной переписи нигде не написан. Молотовой работник Архип Игнатов сын Похвалин, а со временем печатает и литейное отправляет и в кузнице молотоотбойцем бывает, а в подушном окладе нигде не показан» ²².

На основании этих данных обоих рабочих можно отнести к разряду вольнонаёмных, и если бы не следственное дело, возникшее в связи с их бегством и вскрывшее подлинную картину их взаимоотношений с промышленником, у исследователя не было бы оснований для причисления их к иной категории рабочих.

Указанные рабочие бежали в сентябре 1742 г. на вновь строившийся в Зубцовском уезде вододействующий завод вяземских купцов Карасёвых. Как только Мосоловыми было установлено местопребывание беглецов, приказчик Шанского завода Л. Давыдов подал в Берг-коллегию донесение с приложением всех документов, подтверждавших права своего хозяина на рабочих. Приказчик прежде всего сослался на действующее законодательство — регламент Мануфактур-коллегии и указ 1736 г., которыми, по его мнению, «мастеровым людям з заводу на завод переходить и з заводу на завод перезывать не велено». Аргументы законодательного порядка приказчик подкрепил частными доводами, из которых следует, что отношения беглецов с предпринимателем были далеки от свободной купли-продажи рабочей силы. Оказывается, что в 1735 г. братья Иван

²⁰ Там же, № 4533.

²¹ Там же. Т. VIII, № 6255.

²² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 1104.

и Матвей Соловьёвы оформили жилую запись «в том, что в прошлых годах оной наш умерший действительный дьячек Прокофий Глебов сын при животе своем с нами детьми Матвеем да Иваном на самые свои необходимые нужды у него Михаила Мосолова и у братьев его занимали денег 250 рублей». По «полюбовному» договору, заёмщики обязаны были «быть во всяком послушании, жить смирно... и всякую работу по воле их исполнять и не збегать» и «заживать» 250 рублей из расчёта, что им, кроме выдачи продовольствия, будет ежегодно засчитываться по 5 рублей.

Претензии Мосоловых на молотового подмастерья Похвалина основывались на соображениях иного порядка. Во-первых, Похвалин являлся в известной мере потомственным рабочим: его отец, Игнат, сначала был подмастерьем, а последние четыре года работал доменным мастером. Сам Архип молотовому подмастерству обучился на Шанском заводе, и уже этого, с точки зрения заводовладельца, было достаточно, чтобы держать его при заводе неограниченное время. Но приказчик Шанского завода, действовавший от имени своего хозяина, указывал ещё на одно важное обстоятельство во взаимоотношениях заводовладельца с семьёй Похвалина: «Да оной же Игнат Похвалин с сыном своим Архипом хозяевам моим должны за избу, которая изба поставлена по их просьбе за деньги, которые деньги обещали они заработать, токмо еще таких денег не зарабатывали, тако ж и прежний долг, которой на них имелся, не заработан».

Следовательно, и А. Похвалин фактически находился в такой же зависимости от заводовладельца, как и И. Соловьёв, с той, однако, разницей, что у первого эта зависимость пока ещё не была оформлена соответствующим юридическим актом²³. Ещё раньше, в 1736 г., было установлено, что Мосолов держал на заводах «под неволею для своих интересов» 27 тульских оружейников²⁴.

К выдаче авансов с последующим закабалением нанимавшихся крестьян прибегали также заводовладельцы Урала. Осокины выдавали задаток на месте жительства крестьянина. Полученным авансом крестьянин погашал свои долговые обязательства перед вотчинником или казной. Однако «за дальним расстоянием, а иные за болезнями» нанятые являлись на заводы к окончанию срока паспорта и не успевали отработать полученный задаток. Часть из них убежала, не расплатившись с предпринимателем, а другую часть Осокиным всё-таки удалось оставить при заводах. Они обучились мастерству, и предприниматель в 1733 г. жаловался, что вотчинники в нарушение указов 1724 и 1732 гг. отказывались принимать подушные деньги по месту жительства, требуя прибытия беглых на родину.

Подобным же способом нанимали крестьян владельцы Шурминского завода Прозоров и Дряхлов²⁵. На задержку и «нелачу заработных денег» в 1727 г. жаловались рабочие завода Озерова, в 1742 г. — рабочие завода Белова и другие²⁶.

Конечно, ни выдача авансов, ни задержка в выплате жалования сами по себе не изменяли юридического положения рабочего. На известном этапе они являлись средством удержания рабочего при заводе до того времени, пока он овладевал мастерством. Вслед за этим заводовладелец, опираясь на действующее законодательство, добивался прав на личность рабочего, решая за него вопрос о времени и сроках работы на заводе.

Таким образом, некоторые группы рабочих, попадая на завод, одновременно с приобретением «мастерства» лишались личной свободы: их опутывали сначала сети стяжателя-предпринимателя, а затем — правительственного законодательства.

В 1724 г. И. Небогатову и Л. Маркову вместе с Саралинским медеплавильным заводом было передано 142 человека мастеровых и работных, из которых годных к работе числилось 33, «а откуда те мастеровые люди ко оным заводам до ведомства Берг-коллегии определены, о том-де во оной Коллегии известия не имеется». Возможно, что задолго до акта передачи завода компанейщикам они были определены по указу, но по формальным признакам их можно отнести к категории вольнонаёмных, так как они получали от Берг-коллегии месячное жалование. После передачи завода частным

²³ Там же, д. 1008. лл. 1—45.

²⁴ См. ПСЗ. Т. IX, № 7111; т. X, № 7366.

²⁵ Свердловский областной государственный архив (СОГА), ф. Канцелярии главного правления сибирских и казанских заводов (ф. 24), оп. 12, д. 230, стр. 146.

²⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 131, л. 92, кн. 1018, л. 55.

предпринимателям положение мастеровых значительно ухудшилось. Завод работал с большими перебоями, и мастерам в поисках пропитания вынуждены были покидать его и отправляться в Казань, где «кормились черною работою». В период возобновления работы Небогатов высылал их на завод, находившийся в 200 верстах от Казани, «на их коште, без платы и без прогонов и за простойные числа, кои случаютца от их компанейщиков несправы, платы не бывает». По этим причинам, а также вследствие понижения размера жалования между хозяевами и рабочими «возымелись ссоры». Плавильщик Пётр Фёдоров в 1726 г. отказался работать на таких условиях и из Казани на завод не поехал. Тогда, «в небытность означенного Небогатова в Казани, жена ево велела поймать ево Федорова в Казани на улице людьми своими и, привезши в дом к себе, приказала ево сковать и, посадя в сани, за караулом отослать на Саралинский завод, на котором де работал он у плавки меди под неволею»²⁷. Совершенно очевидно, что перед нами не акт найма, а перенесение с вехом Берг-коллегии крепостнических отношений на мануфактуру.

В 1733 г. в Коммерц-коллегию поступил донос на владельца Брынского завода Н. Демидова о том, что он подаёт заниженные сведения о выплавке чугуна; в предвидении предстоящей проверки заводовладелец подговорил своих мастеровых людей показывать не фактическое количество ежедневно переплавлявшегося ими чугуна в железо, а несколько меньшее. Началось следствие. Тридцать четыре допрошенных мастеровых и работных людей, являвшихся крепостными Н. Демидова, показали то, что было угодно заводовладельцу, и лишь девять человек уличили его в утайке.

Во всей этой истории заслуживает быть отмеченным тот факт, что девять мастеровых, считавших себя вольнонаёмными, в качестве вознаграждения за подтверждение извета просили «учинить награждение»: разрешить оставить завод Н. Демидова и уйти, «куда похотят». Следовательно, эти вольнонаёмные, противопоставив себя крепостным Демидова, тем не менее подтверждали невозможность оставить завод по своему усмотрению. Комиссия о партикулярных заводах, не будучи осведомлённой о юридическом положении просителей, за недоказанностью извета отклонила эту просьбу: «И за то им награждение и от Демидова свободу учинить не следует, дабы впредь таким другим служителям для одного только отбывательства и увольнения от помещиков своих неповадно было в такие неосновательные доносы вступать». Впрочем, здесь же комиссия добавила, что если они не являются купленными и крепостными, то «имеют быть каждой по своим контрактам от него Демидова уволены»²⁸. Однако, как следует из предпринятых вольнонаёмными шагов, они, для того чтобы уйти от заводовладельца, испрашивали специального разрешения комиссии, используя в данном случае извет как средство получения свободы.

Следовательно, практика прикрепления рабочих к заводам применялась заводо-владельцами задолго до опубликования указа 1736 года. Судя по всему, она носила массовый характер, но документы повествуют о ней лишь в тех немногих случаях, когда взаимоотношения между рабочими и предпринимателями достигали особой остроты, например, когда рабочие не повиновались промышленнику или убежали с завода и промышленник доказывал свои права на рабочих ссылками на фактически существовавшее зависимое положение последних. Это подтверждают сведения о фактическом составе рабочих на некоторых заводах центрального металлургического района, извлечённые из переписей, производившихся в 1737—1738 гг., а также во время второй ревизии²⁹.

²⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 141, л. 18; д. 157, л. 33; кн. 769, л. 128. СОГА, ф. 24, оп. 1, кн. 574, л. 12.

²⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 781, лл. 226, 227, 242; кн. 878, лл. 5—6, 80, 91, 96, 98.

²⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 1104.

В этом деле имеются сведения о составе рабочих почти всех заводов центрального металлургического района, однако часть ведомостей, составленных в 1744—1745 гг., не сообщает данных о времени прихода вольнонаёмных на завод. Перечисленные заводы представляют интерес в том смысле, что на них удельный вес вольнонаёмных был выше, чем на других заводах. Например, Тульский завод А. Демидова полностью обслуживался принудительным трудом, на Карачаровском заводе кн. Черкасского из 44 рабочих был только один вольнонаёмный, на заводах Миляковых из 32 рабочих вольнонаёмных было 10 и т. д.

Заводы и заводоладельцы	Всего переписано рабочих	Из них		Пришли сразу на указанные заводы из числа наёмных	
		крепостных	наёмных	количество	% к общему числу наёмных
Угодский, Истинский и Меншовский заводы Меллеров	247	14	233	233	100
Дугненский завод Н. Демидова	55	30	25	20	80
Шанский и Мышегский заводы Мосоловых	111	—	111	97	87,4
Брынский завод Н. Демидова	165	104	61	41	67,2
Залипяжский завод Я. Рюмина и Б. Белова	55	3	52	26	50
Итого	633	151	482	417	86,2

Абсолютное большинство наёмных рабочих, попав однажды на завод, так и осталось на нём до времени проведения переписи 1737—1738 гг. или второй ревизии. Численный состав рабочих, менявших заводоладельцев, в пяти приведённых в таблице группах заводов составил 13,8%. Однако каждая из названных групп заводов в отношении количества рабочих, перешедших с других предприятий, имела свои особенности. 233 наёмных на заводах Меллеров относились либо к кадровым, потомственным рабочим либо сразу пришли на заводы.

У всех остальных заводоладельцев таблица отмечает большую или меньшую текучесть рабочей силы. На Дугненском заводе Н. Демидова она составляла 20%, на Шанском и Мышегском заводах Мосоловых — 12,6%, на Брынском заводе Н. Демидова — 32,8%, на Залипяжском заводе Я. Рюмина и Б. Белова — 50%. Но при каких условиях они переходили с одного завода на другой? Оказывается, что инициатива легального перехода на другой завод принадлежала не рабочему, а заводоладельцу, вернее, стечению обстоятельств, при которых заводоладелец терял интерес к пребыванию рабочего на его заводе. 15 из 65 сходцев, или 23,1%, ранее работало на Тырлицком заводе, закрывшемся в конце третьего десятилетия XVIII века. Ещё ранее, в самом начале XVIII в., прекратили существование подмосковные заводы Воронина. Общее число сходцев с закрытых заводов составляло 26 человек, или 40%.

Вторая группа сходцев оставила прежних промышленников вследствие сокращения производства или временной остановки заводов. К числу таких заводов следует отнести Липецкие и Олонские казённые заводы, а также частные предприятия Логинных и Нарышкиных. Известно, что Липецкие и Олонские заводы вследствие остановки части печей располагали излишком рабочей силы, и сверхштатные рабочие переводились на другие казённые предприятия, а в некоторых случаях получали паспорта и отпускались «на волю». Например, доменный мастер Матвей Васильев пришёл к Мосоловым с Липецких казённых заводов, канцелярия которых выдала ему паспорт. Что касается упоминавшихся заводов Логиннова и Нарышкиных, то уход рабочих у первого объяснялся трёхлетней остановкой предприятия (1729—1731), связанной со смертью владельца завода, а у второго — сокращением производства. Так, Матвей Вильмутов оставил заводы Нарышкина «за недовольною на том заводе работою». Общее число рабочих, ушедших с заводов по причине сокращения производства, составляло 23 человека, или 35,4%.

Итак, число рабочих, перебивших заводоладельцев вследствие закрытия предприятий или их временной остановки, составляло 49 человек, или 75,4%.

Однако сказки отмечали уход рабочих не только с остановившихся заводов, но и с действующих. Среди них фигурируют заводы Демидовых и Рюминых. Прочих указаний на то, при каких обстоятельствах 16 человек оставили этих заводоладельцев, сказки не дают, но можно предположить, что какая-то часть бегла с завода, другая часть покинула его не без участия промышленников, к которым она перешла.

Случаи сманивания и даже насильственного увоза рабочих в практике взаимоотно-

ношений предпринимателей подтверждаются ранее приводившимся примером действий начинавших промышленников Карасёвых. Ревизия 1744 г. обнаружила факт похищения многочисленной группы рабочих с Гулынского завода Белова и Маэфа, осуществлённого другим предпринимателем — Г. Рюминым. При этом среди похищенных значились не только рабочие, приписанные по указу 1736 г., но и собственные крепостные Белова и Маэфа. Белов и Маэф, с одной стороны, и Г. Рюмин — с другой, решили свой спор относительно беглых и уведённых рабочих урегулировать полюбовной сделкой, обменяться находившимися на их заводах беглыми. Беглых они «разверстали на две части и дали друг другу от крепостных дел записки, что кому досталось, тем и владеть». Эта концовка в ведомости Гулынского завода не оставляет сомнений в том, что его владельцы приняли немалое число беглых Г. Рюмина.

Возвращаясь к составу рабочих Залипяжского завода Я. Рюмина и Белова, можно предположить, что часть этих рабочих была привлечена с действующих предприятий тем же способом, каким пользовался Г. Рюмин для обеспечения рабочей силой своего завода. Указанные способы обеспечения заводов рабочей силой имели место и в 20—30-х годах XVIII века. В 1728 г. Н. Демидов сообщал в Берг-коллегию, что братья Миляковы держат на своём Ряпкинском заводе двух его крепостных, из которых один был молотовым подмастерьем, другой — писцом, и двух так называемых вольнонаёмных мастеров доменного и рудокопного дела. При этом истец требовал возвращения не только своих крепостных, но и вольнонаёмных³⁰.

Итак, переход рабочих с одного завода на другой в первой половине XVIII в. не был распространённым явлением и если и имел место, то инициатива легального ухода с одного предприятия на другое исходила не от рабочего, а от предпринимателя. Правда, это наблюдение основано на регистрации явлений, отмеченных после издания указа 1736 г., но это несколько не меняет общей картины, так как сведения о каждом рабочем освещают его жизнь за всё время его трудовой деятельности.

О том, что рабочие мануфактуры находились в различных формах зависимости от заводовладельца, свидетельствует не только малое число зарегистрированных случаев перехода с одного завода на другой, но и факты перевода их с одного предприятия на другое в пределах одного промышленного хозяйства. Промышленник редко отпускал рабочего на чужие заводы, зато он часто переводил его с места на место в пределах собственных предприятий.

Так, в 1744 г. ревизор отметил изменения, происшедшие на Тульском заводе И. Баташева после первой ревизии: на построенный позже Медынский завод было переведено восемь квалифицированных рабочих, среди которых шестеро значились крепостными и двое — наёмными из числа закреплённых по указу 1722 года. Точно так же действовали Белов и Маэф. В 30-х годах они построили Кирицкий завод. Квалифицированное ядро рабочих этого завода состояло из 36 специалистов, переведённых с ранее построенного Гулынского завода.

Переход рабочего с одной мануфактуры на другую в большинстве случаев мог осуществляться и осуществлялся таким же способом, каким уходили от своих помещиков крепостные крестьяне, — бегством. Разумеется, это утверждение относится к непрерывно действовавшим заводам, владельцы которых при общем недостатке рабочей силы не хотели отпускать рабочих с завода, и не может быть распространено на те из перечисленных нами предприятий, где уход устраивал и работодателя и рабочих.

В этом явлении отражались противоречия русской мануфактуры, развивавшейся в условиях господства крепостного права. Капиталистическая мануфактура предусматривает существование свободного рабочего, и в то же время владелец мануфактуры вопреки этому непреложному требованию всякого капиталистического производства стремится закабалить крестьянина, бегством освободившегося от феодального гнёта помещика.

Феодальные путы, используемые заводовладельцем для прикрепления рабочих к предприятию, не могли, однако, применяться во всех случаях. Так, объектом закрепощения не мог стать оброчный крестьянин. Ушедший в отход посадский поддержкой связей с миром также гарантировал свою личную неприкосновенность. В этих случаях акт найма был свободен от феодальных влияний, ибо за спиной продавца рабочей силы

³⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 148, л. 15.

стоял душевладельцем или мир налогоплательщиков, следивших за судьбой крестьянина или посадского. Оставление оброчного крестьянина на заводе было связано с компенсацией его владельца, в то время как оставление беглого практически не влекло за собой материальных затрат.

Чтобы установить роль и место этих двух категорий рабочих среди так называемых вольнонаёмных, рассмотрим некоторые социально-экономические показатели состава рабочей силы на трёх заводах: Дугненском, Брынском и Залипяжском.

Наименование заводов	Всего вольнонаёмных рабочих	Из них			Прочие
		положены в подушный оклад при заводах	платили по подушному окладу по месту рождения	записаны в оклад по месту рождения, но не платили	
Дугненский	25	6	5	11	3
Брынский	61	23	11	27	—
Залипяжский	52	32	12	7	—
Итого	138	61	28	45	3

Сопоставление данных позволяет сделать ряд наблюдений об изменениях в комплектовании рабочей силы на заводах. Хотя эти наблюдения вследствие отсутствия сведений по всем заводам, а также небольшого промежутка времени, к которому они относятся, могут считаться лишь предварительными, но они отражают происходившие в стране изменения в социально-экономических отношениях и их влияние на состав рабочей силы предприятий центрального металлургического района. На Дугненском и Брынском заводах комплектование рабочей силы производилось в 20-х и даже 10-х годах XVIII в., на Залипяжском заводе — на десятилетие позже, в основном в 30-х годах XVIII века.

В течение одного десятилетия изменилось соотношение количества беглых и пришедших на заводы легальными путями. На Дугненском заводе число беглых, обязанных платить подушный оклад, но не плативших его, составляло 44% (11 человек к общему числу вольнонаёмных), на Брынском заводе — 44,3% (27 человек), а на Залипяжском — 13,4% (7 человек). В то же время на Залипяжском заводе уменьшение числа беглых сопровождалось увеличением количества оброчных крестьян или посадских, плативших подати. На Дугненском заводе рабочих этой категории было 20% (5 человек), на Брынском — 18% (11 человек), а на Залипяжском — 22% (12 человек). Следовательно, можно говорить о том, что влияние на мануфактуру развивавшихся в стране товарно-денежных отношений в 30-х годах сказалось сильнее, чем в 20-х годах XVIII века. В то же время дали себя знать драконовские меры борьбы с бегством, предпринимавшиеся правительством Анны Ивановны в 30-х годах XVIII века.

Аналогичное явление прослеживается при анализе состава рабочих на предприятиях лёгкой промышленности. Так, на Суконном дворе в Москве процент посадских, по переписи 1739 г., был в два с половиной раза больше, чем по переписи 1733 года³¹.

Ярким примером влияния развивавшихся товарно-денежных отношений на социальный характер некоторых мануфактур является состав рабочей силы на Шанском и Мышегском заводах Мосоловых, вступивших в строй в 30-х годах XVIII века. Из 111 рабочих, зарегистрированных на двух заводах переписью 1737 г., 50 человек были отходниками, причём большинство пришлых являлись жителями близлежащих сёл³².

Из данных по другим заводам видно, что эта особенность была незаурядным явлением для предприятий центра России. Подсчёты сказок рабочих по трём заводам (Дугненский, Брынский и Залипяжский) показывают, что 118 так называемых вольно-

³¹ См. «Труды Историко-археографического института». Т. XIII. Московский суконный двор, стр. 201, 206. М.-Л. 1934.

³² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 1104.

наёмных прибыли из 35 административно-территориальных единиц страны: 27 уездов и 8 городов,— причём близлежащий к промышленному району Дедиловский уезд выполнял такую же роль в комплектовании рабочей силы, как отдалённый от заводов Галицкий уезд. Из обоих уездов на заводах работало по 2 человека. Правда, 51 человек, или 43,1%, прибыли на заводы из Москвы и Тулы с уездами, но большинство из них являлись беглыми крестьянами и оружейниками и представляли удобный объект для прикрепления к заводам.

Пространный перечень уездов, из которых пришли на Дугненский, Брынский и Залипяжский заводы крестьяне или представители других социальных групп населения страны, показывает, что их приход был обусловлен не столько интенсивностью имущественного расслоения и развитием товарно-денежных отношений, сколько стечением различного рода случайных обстоятельств (смерть родителей, стихийные бедствия и т. п.) или бегством.

Анализ состава рабочей силы типичного для уральской промышленности Иргинского завода П. Осокина показывает, что её комплектование проводилось в основном за счёт тех же источников и такими же способами, как и в центре страны, хотя и имело свои особенности.

В 1748 г. на Иргинском заводе насчитывалось 418 рабочих, бывших когда-то вольнонаёмными, но затем, в 1734, 1735 и 1739 гг., приписанных к заводу³³. Перепись 1739 г. позволяет установить социальный состав рабочих и условия их прихода на Иргинский завод. Из 234 рабочих, значившихся на заводе в 1739 г., выходцев из крестьян было 217, посадских — 6, разночинцев — 4 и 7 человек с неустановленной социальной принадлежностью. Наиболее многочисленную группу составляли дворцовые крестьяне, пришедшие из волостей Балахонского уезда. Их насчитывалось 158 человек. Далее, следовала группа государственных крестьян в количестве 30 человек. На третьем месте находились монастырские крестьяне, их насчитывался 21 человек. Частновладельческие крестьяне были представлены в числе четырёх. Наконец, было 2 архирейских и 2 монастырских крестьянина.

Что привело этих людей на завод? 185 человек показали, что они попали на завод в результате «хлебной скудости», 49 человек не указали причин своего прихода. Отметим, что стереотипное объяснение причин ухода с прежнего места жительства «хлебной скудостью» имело реальное значение, так как наибольшее количество крестьян (82 человека) прибыло в 1733—1734 неурожайные годы.

Из 234 рабочих вольнонаёмных с паспортами было 8 человек, или 3,4%. Как строились взаимоотношения между остальными 226 беглыми рабочими и заводовладельцами, в какой степени их положение соответствовало положению вольнонаёмных? Прямые указания имеются лишь о небольшой группе рабочих; о 24 рабочих можно утверждать, что они после прихода на завод утратили своё положение свободных людей.

Опись 1739 г. зарегистрировала на заводе 12 рабочих, полученных заводовладельцем от Кунгурской канцелярии. Они были приравнены к положению приписных крестьян, отличаясь от последних лишь тем, что их труд был всецело поглощён промышленным производством. Однако права промышленника в отношении тех и других были одинаковыми, ибо он в обоих случаях выступал перед государством в качестве материально ответственного лица за выполнение ими податных повинностей. Остальные 12 человек были беглыми крестьянами Троице-Сергиева монастыря. Право сына этих беглых было предоставлено заводовладельцу. В 1734 г. беглецы были разысканы и явлены в Сибирском обер-берг-амте, а в 1736 г. Осокин дал монастырю подписку в том, что он обязуется платить «за подушные деньги и за монастырские денежные и хлебные доходы и за всякие зделья оброку по два рубля по десяти копеек в год с каждой души». Указанную сумму оброка монастырские крестьяне должны были отрабатывать «повсягодно» на заводских работах. Следовательно, крестьяне были на положении оброчных лишь по отношению к монастырю, по отношению же к заводовладельцу их положение приближалось к приписным государственным крестьянам.

О степени зависимости от заводовладельца остальных 202 рабочих опись сообщает мало данных. Дворцовый крестьянин Балахонского уезда, Нижегородской губернии, И. А. Печёнкин, был нанят Осокиным в 1730 г. сроком на семь лет. До 1737 г. он

³³ Там же, ф. Сената, д. 1510, лл. 536—538.

имел паспорт. Однако по истечении срока паспорта Печёнкин не мог уйти с завода, так как взятый у заводовладельца аванс он «и поныне (1739 г. — Н. П.) не заработал». Такого рода сделку опись отметила только один раз, но, по всей вероятности, подобные явления не были редки.

При сопоставлении состава рабочей силы Иргинского завода и заводов центрального металлургического района должны быть отмечены некоторые весьма существенные различия. Среди рабочих заводов центрального района была значительная прослойка городского населения, напротив, на Иргинском заводе Осокина посадских было только 2,8%. Кроме того на Иргинском заводе был выше процент беглых. Однако главное отличие определялось не социальным происхождением рабочих, а их профессиональным составом. Среди зарегистрированных переписью рабочих заводов центрального металлургического района было мало людей, используемых на вспомогательных работах — добыче руды, заготовке угля, доставке того и другого на заводы. Этого вида работы в большинстве случаев выполнялись окрестными жителями. Предприниматели Урала были лишены подобных условий. Поэтому среди рабочих уральских заводов прослойка людей, выполнявших вспомогательные операции, была более многочисленной. Так, на Иргинском заводе П. Осокина из 358 работоспособных рабочих в 1748 г. на вспомогательных операциях (добыча руды и угля) было занято 97 человек, на Курашинском заводе Г. Осокина такого рода рабочих было 108 из общего числа приписных — 181³⁴.

Вследствие того, что на Урале приписывалась к заводам некавалифицированная рабочая сила, удельный вес принудительного труда там был более высок, чем в центре страны.

Изучение конкретного материала показывает, что состав рабочей силы на мануфактурах определялся совокупным влиянием нескольких факторов и, в конечном счёте, отражал противоречивые тенденции эпохи: усиление феодально-крепостнического гнёта помещиков и полицейских репрессий абсолютизма, с одной стороны, и развитие товарно-денежных отношений — с другой.

Конкретные формы первой из этих тенденций проявлялись в усилении опеки помещика над крестьянином, в увеличении получаемой с него доли прибавочного продукта, а также в различного рода ограничениях, препятствовавших перемещению крестьян. За первую половину XVIII в. было опубликовано 99 указов о сыске и возвращении беглых³⁵. Кроме того дважды проводившиеся переписи податного населения России преследовали не только фискальные интересы казны: эти переписи имели огромное социальное значение, так как они укрепляли права душевладельца на крестьян. Всё это сужало рынок рабочей силы и обостряло борьбу за неё как предпринимателей между собою, так и предпринимателей с душевладельцами. В этих условиях абсолютистское государство, поощрявшее развитие промышленности, обеспечивало заводы рабочей силой путём прикрепления к ним рабочих. Несомненная связь между законодательством о сыске и возвращении беглых и указами, прикреплявшими этих беглых к заводам. Указы об оставлении беглых на заводах или вечном закреплении их за заводами были опубликованы в годы, когда сыск беглых достигал наибольшей интенсивности. Так, в 1722—1723 гг. было издано 17 указов о сыске беглых, и в 1734—1736 гг. — 17 указов, итого за пять лет было издано 34 указа, что составляет 34,3% к их общему числу за половину века.

Вторая тенденция нашла своё выражение в расширении районов с преобладанием денежной ренты и в развитии связанного с нею отходничества крестьян. Оброчные крестьяне, работавшие на мануфактуре, составляли особую категорию рабочих, отношения которых с предпринимателями строились на иной основе, чем у беглых крестьян.

Выше мы пытались установить количество беглых на отдельных предприятиях. Это даёт представление об удельном весе той группы рабочих, на которую распространялись соответствующие законодательные акты абсолютистского государства: указы 1722, 1732 и 1736 годов. Известно, что каждый из этих указов определял судьбу беглых, причём все указы оставляли на заводах только тех беглых, которые работали на них ко времени опубликования указа. На будущее время указы силы не имели, более того,

³⁴ Там же, ф. Сената, л. 1510, лл. 536—538, 543—547.

³⁵ За первую четверть XVIII в. подсчёт произведён Е. И. Индовой в её неопубликованной статье «Классовая борьба в первой четверти XVIII в.».

в каждом случае имело даже место предупреждение заводовладельцев, чтобы они «впредь беглых отнюдь не держали».

Несмотря на всякого рода угрозы и штрафы за приём беглых, ими непрерывно пополнялся состав рабочих. Это явление, несомненно, определялось общим недостатком рабочей силы, однако при его объяснении следует учитывать и другие обстоятельства. Заводовладелец был заинтересован в приёме беглого, поскольку нелегальное положение ставило последнего в большую зависимость от него, причём фактическая зависимость беглого устанавливалась задолго до опубликования соответствующих указов. Кроме того самое законодательство периодическим оставлением беглых объективно содействовало их приёму на завод, в чём нельзя не усмотреть противоречивого характера политики абсолютизма в обеспечении предприятий рабочей силой³⁶.

В первой половине XVIII в. промышленники, за редким исключением, не платили денег за беглых, во всяком случае указы 1744 г. называют только двух предпринимателей (Гончарова и Затрапезного), которые внесли причитающиеся с них деньги за рабочих, оставленных на их фабриках по указу 1736 г., «а от прочих фабрик как в Сенат тех денег в платеже не было, так и о приеме оных от них в других местах против вышеописанного никакова определения не было»³⁷.

Таким образом, промышленники без материальных затрат получали рабочую силу, которой они владели на таких же основаниях, как и купленными крестьянами; и те и другие закреплялись за заводом навечно, отличие состояло лишь в том, что в случае остановки предприятия за купленных крестьян заводовладелец получал соответствующую компенсацию, а отданные по указу беглые изымались из его вedomа безвозмездно³⁸.

По-иному складывались взаимоотношения промышленника с пришедшими на завод оброчными крестьянами. Это объяснялось не только законодательством, которое в интересах душевладельца предлагало промышленнику «по урочных летах отпускать их (оброчных и отданных в научение.— Н. П.) без всякого удержания»³⁹, но и отношением промышленника к оброчному, прикреплению которого к предприятию было делом более сложным и связанным с материальными затратами — необходимостью немедленной уплаты вотчиннику установленной правительством цены. Но ради каких целей предприниматель должен производить лишние расходы, если его завод мог быть обеспечен рабочей силой «естественным» ходом событий — более или менее высокой степенью развития товарно-денежных отношений? Поэтому оброчные крестьяне, как и ушедшие с паспортами посадские, образовывали рынок рабочей силы, на котором отношения продавца и покупателя строились на капиталистической основе. Наиболее характерный пример в этом отношении представляли заводы Мосоловых.

Приведённые данные дают основание для пересмотра вопроса о социально-экономической природе купеческой мануфактуры в первой половине XVIII в., отождествляемой с капиталистическим предприятием. В литературе этот вопрос о мануфактуре решался в зависимости от количества работавших на ней крепостных и вольнонаёмных рабочих, причём акт найма рассматривался под углом зрения установления отношений между рабочим и предпринимателем, свойственных капитализму. Анализ состава рабочей силы на купеческих предприятиях свидетельствует о том, что это явление в условиях первой половины XVIII в. было более сложным.

Получение жалования работным человеком не всегда являлось показателем существования свободной купли-продажи рабочей силы. Известно, что на казённых заводах Урала рекруты, ссыльные, взятые по указу и другие представители принудительного труда получали жалование и часть из них была переведена на сельщину. На Билимбаевском заводе Строгановых работало свыше 190 владельческих крестьян, «которым бывает плата окладная, задельная с пуда и по плакату»⁴⁰. Не меньшую гибкость в

³⁶ Указ 1736 г. устанавливал меньший размер платы за не помнящих родства беглых, чем за тех беглых, которые могли назвать своих владельцев. В первом случае промышленник должен был платить в Сенат за каждую семью 30 руб., а во втором — владельцу семьи 50 руб. (ПСЗ, т. IX, № 6858).

³⁷ ПСЗ. Т. XII, № 8969. ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 1104, л. 34.

³⁸ См. ПСЗ. Т. XI, № 8176.

³⁹ Там же. Т. IX, № 6858.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1510, л. 488.

этом отношении проявляли Демидовы, которые стимулировали производительность труда применением различных форм его оплаты, распространяя эти формы не только на вольнонаёмных или отданных по указам, но и на собственных крепостных крестьян.

Но находившийся в феодальной зависимости рабочий отличался от крепостного крестьянина не только тем, что получал денежное жалование и его прибавочный труд пространственно не был отделён от необходимого. Непосредственный производитель на мануфактуре кроме того был лишён средств производства, в то время как при феодальном способе производства «существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде»⁴¹.

В то же время большинство рабочих мануфактур не были лично свободными людьми, их рабочая сила не являлась товаром.

Это, однако, не означает, что вольнонаёмный труд отсутствовал на мануфактурах рассматриваемого времени, но удельный вес его был невелик. Разложение феодальных отношений находилось на той стадии, когда деревня ещё не выталкивала на рынок труда большие массы крестьян, вынужденных навсегда порвать связи с сельским хозяйством. Широкое применение крестьянского труда можно наблюдать лишь на вспомогательных работах, которые производились в свободное от сельскохозяйственных работ время.

Политика прикрепления рабочих к заводам предостерегала от найма на мануфактуру даже беглых. На заводы попадали те из них, чьё положение оказывалось безвыходным. Этот социальный элемент и составлял основной резерв труда для металлургических мануфактур первой половины XVIII века.

Обеспечение заводов квалифицированными рабочими составляло лишь часть проблемы рабочей силы вообще. В металлургическом производстве, включавшем в свой комплекс не только плавку металла и его переработку, но и все подготовительные операции для этих процессов, был велик удельный вес неквалифицированного труда. Заготовка сырья для металлургического производства требовала больших затрат человеческого труда, чем его дальнейшая переработка. Применение простейших машин с использованием энергии воды в чугунолитейных и железоделательных цехах в значительной мере заменяло ручной труд, в то время как вспомогательные работы производились без усовершенствований, вручную, и требовали громадной концентрации рабочей силы.

По расчётам (1751 г.) уральского предпринимателя П. Осокина, обслуживание одной доменной печи требовало 897 рабочих, из которых 200 должны были добывать и обжигать руду, 250 — перевозить её к заводу, 144 — рубить дрова, 160 — складывать дрова в кучи, осыпать их и жечь уголь и 100 — перевозить уголь на завод, — итого 854 человека. Непосредственно у самой домны должно было работать всего 43 человека, то есть только $\frac{1}{20}$ часть общего числа рабочих.

«И одному числу людям, — пояснял Осокин, — надлежит завсегда быть действительным при помнянутых работах безотлучно, кроме малолетних и престарелых и оставших в деревнях в домах своих при крестьянских работах для пропитания и содержания тех заводских мастеров и работных». Осокин ориентировался, как следует из его пояснений, на использование безотрывных рабочих. Если бы эти работы выполнялись приписными крестьянами, использование которых на заводских работах было ограничено определёнными сроками, то количество людей следовало бы удвоить, то есть потребности одной домны исчислялись в 1794 человека, одного молота — в 362 человека и медеплавильной печи — в 440 человек⁴².

Совершенно очевидно, что быстро развивавшаяся металлургическая промышленность в условиях, когда основная масса производителей была закреплена, не могла получить достаточного количества рабочей силы. В интересах укрепления своего господства дворянство вынуждено было частично поступиться монополией на эксплуатацию крепостных крестьян. В то же время опубликованием указа в 1721 г., разрешавшего «как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать невозбранно с позволения Берг- и Мануфактур-коллегии»⁴³, правительство признало малую эффек-

⁴¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120.

⁴² ПГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1013, лл. 166—168.

⁴³ ПСЗ. Т. VI, № 3711.

тивность других способов обеспечения частных заводов рабочей силой. Легализацией использования крепостного труда в промышленности правительство не только проявило заботу о предпринимателях, но также и о дворянстве, беглые крестьяне которого находили пристанище на частных заводах Урала и других районов.

Правда, указ 1721 г. разрешал заводовладельцам покупать крестьян с некоторыми оговорками, но эти оговорки отнюдь не меняли существа дела, не препятствовали реальному использованию на предприятиях принудительного труда. Указ ограничивал права заводовладельцев распоряжаться купленными деревнями. Пояснением, «дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно», указ подчёркивал условность владения этими деревнями купечеством. Однако эта казуистика, долженствовавшая подчеркнуть принципиальную незабываемость дворянской монополии распоряжаться по своему усмотрению крепостными крестьянами, имела больше моральное, чем материальное значение. Практическое значение приобретала другая сторона этого указа, предостерегавшая, чтобы «промышленники не строили заводов для лица» и тем самым не пользовались предоставляемыми указом привилегиями. Просьба о разрешении купить деревню должна была быть в каждом отдельном случае подкреплена удовлетворяющими Берг-коллегию данными о положительной деятельности предпринимателя, в противном случае следовал отказ⁴⁴.

Зато владельцы построенных и действовавших заводов, состоявших на учёте в Берг-коллегии, безоговорочно получали разрешение на покупку деревень и крестьян. В 1731 г. Осокины просили предоставить им право купить крестьян. Свою просьбу они подкрепили сообщением, что израсходовали на заводское строительство 18 тыс. рублей. Осокиным сразу же было разрешено купить 200 дворов⁴⁵.

Таким образом, Берг-коллегия отсеивала некоторую часть претендентов на крепостной труд, однако ограничительные мероприятия этого учреждения, контролировавшего исполнение указа 1721 г., не распространялись на промышленников, владевших действующими предприятиями.

В историографии установлен неверный, с нашей точки зрения, взгляд на последствия указа 1721 года. Едва ли можно согласиться с утверждением Е. И. Заозерской о том, что «лишь немногие из петровских предпринимателей воспользовались им в ближайшие годы»⁴⁶. Этот вывод навеян состоянием статистики в Берг-коллегии, которая не имела возможности регистрировать каждый акт купли-продажи крестьян и деревень. По данным Е. И. Заозерской, правом покупки крестьян в течение 1721—1725 гг. воспользовались только два владельца «железных заводов — это братья Миляковы и братья Рюмины»⁴⁷. В действительности их было больше. В 1722 г. И. Баташев купил у разных помещиков в Тульском уезде 7 дворов и 107 четвертей земли. В том же году были совершены ещё две сделки: П. Рюмин с братьями купил 28 дворов и 495 четвертей земли и Н. Демидов для своего Дугненского завода в Мещовском уезде купил селцо Толстошеево, селцо Хотисино и деревню Воротную с пашенной землёю, санными покосами и лесами. Помимо этого он купил ещё 7 переведённых дворов. В следующем, 1723, году Г. Демидов купил деревню Семельтану, в которой, по данным на 1751 г., значилось 93 души мужского пола⁴⁸.

Однако и эти сведения Берг-коллегии не полны. Ведомость о состоянии заводов Меллеров свидетельствует о том, как эти старейшие предприниматели из года в год всеми средствами обзаводились собственными крепостными крестьянами. Всего с 1711 по 1741 г. включительно Меллеры по разновременным сделкам приобрели по одиночке 100 мужчин и 3 женщины, 20 семей и 457 дворов. За это время к ним перешли 1 264 четверти земли, три пустоши и ещё некоторое количество земли, купленное за 500 рублей⁴⁹. Все эти сделки были заключены без участия Берг-коллегии и не были ею зарегистрированы.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 131, л. 61; д. 142, л. 13; д. 176, лл. 24—27.

⁴⁵ Там же, д. 182, лл. 20—22.

⁴⁶ Е. Заозерская. Мануфактура при Петре I, стр. 136. М.-Л. 1947.

⁴⁷ Е. Заозерская. Прочисные и крепостные крестьяне на частных железных заводах. «Исторические записки» № 12, стр. 136—137. 1941.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 769, лл. 123—127; кн. 756, лл. 238, 287, 290; ф. Сената, кн. 908, л. 188; кн. 2710, лл. 104—107.

⁴⁹ Там же, ф. Сената, кн. 3591, лл. 68—74.

Но до издания указа 1721 г. крестьян и землю покупали не только Меллеры. В 1720 г. Н. Демидов купил в Нижегородском уезде треть села Фокина, из которого 300 семей он переселил на Невьянский завод. Кроме того Е. И. Заозерская приводит ещё два случая наличия купленных крестьян до указа 1721 г.: по переписи 1720 г., на железном заводе Рюмина числилось 4, а на заводе Логинова — 8 «купленных крепостных людей»⁵⁰.

Из приведённых фактов можно сделать три вывода: во-первых, среди крупных промышленников недворянского происхождения в центральном металлургическом районе не было ни одного предпринимателя, который к 1726 г. не имел бы крепостных; во-вторых, приобретение крестьян и земельных участков заводоладельцами производилось задолго до указа 1721 г., и последний лишь узаконил практику, имевшую распространение среди промышленников; в-третьих, зачастую купля-продажа не только одного человека или семьи, но и целых деревень производилась без специального разрешения Берг-коллегии, чем и обусловлено отсутствие полных данных о фактическом наличии крепостных у предпринимателей.

Последнее наблюдение подтверждается резолюцией, вынесенной Берг-коллегией 29 апреля 1743 г., в которой она признавала, что «состоящие в ведомстве Берг-коллегии железня и прочия рудные заводчики покупали к заводам своим немалые деревни без ведома Берг-коллегии и по се время от них в Берг-коллегию о том не объявлено»⁵¹.

Стремление заводоладельцев широко воспользоваться предоставленным им правом покупки деревень косвенно подтверждает и указ 1736 г., запретивший покупать деревни, но не препятствовавший приобретению крестьян без земли. Надо полагать, что предпринимателей совсем не пугали «немалые вложения в гораздо менее рентабельное сельское хозяйство», как это считает акад. С. Г. Струмилин⁵², наоборот, они своими попытками обзавестись максимальным количеством деревень вызвали появление этого указа. Строго говоря, этот указ не должен был нанести ущерба предпринимателям, если они не собирались превратиться в помещиков и не стремились использовать феодальные формы эксплуатации для увеличения своих богатств, ибо подлинных промышленников должно было в значительно большей мере интересовать душевладение, а не землевладение, рабочая сила, а не земля.

Законодатели из лагеря крепостников, с одной стороны, стремились оградить дворянство от использования его привилегий купечеством, а с другой стороны, стихийно регулировать количество покупаемых крепостных, так как заводоладельцу невыгодно было иметь безземельных крестьян сверх фактической потребности в рабочей силе его заводского производства. Однако использование резервов феодальной деревни составляло важную статью доходов предпринимателя. Обслуживавший завод безземельный крестьянин должен был получать от заводоладельца заработок такого размера, чтобы его хватало на удовлетворение скудного прожиточного минимума. Применение на заводских работах труда крестьян, владевших землёй, позволяло промышленнику сохранять низкую заработную плату и использовать хозяйство крестьянина в качестве дополнительного резерва для оплаты его труда. Поэтому безземельный крестьянин, как объект эксплуатации на промышленном предприятии, был менее выгоден предпринимателю, чем крестьянин, владевший собственным хозяйством.

Таким образом, указ 1736 г. лишал промышленников некоторой доли привилегий, предоставленных им законом 1721 г., в особенности в отношении некалфицированной рабочей силы. Борьба промышленников за использование на заводах резервов крепостной деревни вновь приобрела важное значение, и их жалобы на «малолюдство» вынудили правительство в 1744 г. отменить ограничения 1736 г. и разрешить возобновить практику покупки крестьян с землёй целыми деревнями⁵³.

Согласно ведомости, составленной в Сенате в 1751 г., в центральном металлургическом районе было 13 предпринимателей (единоличных и компанейских), владевших 26 вододействующими предприятиями. К 1751 г. заводоладельцы имели, по неполным

⁵⁰ Е. Заозерская. Приписные и крепостные крестьяне на частных железных заводах, стр. 136. 1941.

⁵¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 664, л. 30.

⁵² См. С. Струмилин. Экономическая природа первых русских мануфактур. «Вопросы истории» № 6 за 1948 г., стр. 68.

⁵³ См. ПСЗ. Т. XII, № 9004.

данным, 14 776 купленных крестьян, из которых 11 017 душ было куплено по дворянству (Г. Демидовым, Н. Демидовым и А. Гончаровым) и 3 759 значились за заводами. Поражает неравномерность распределения купленных крестьян между промышленниками. Большая часть их приходилась на долю Рюминых, за которыми значилось 2 594 души, за Рюмиными следуют Миляковы, купившие 422 души, затем Н. Демидов — 322 души. У остальных заводладельцев (Р. Баташев, Белов и Маэф, Карасевы) численность покупных крестьян не превышала 150 душ, а в некоторых случаях снижалась до 1—2 десятков (И. Баташев, Чирьев, Никулин).

Интересно отметить, что чем ближе к середине XVIII в. вкладывал купец или мелкий производитель свои капиталы в крупное промышленное производство, тем меньше у него было покупных крестьян и тем больше он ориентировался на заготовку угля и руды вольнонаёмным трудом. Этому в немалой степени содействовали сравнительно высокий уровень развития денежных отношений в центральном районе, относительно высокая плотность населения, а также возможность производить заготовки угля вдали от заводов, с тем, чтобы доставлять его водою, что не требовало большой концентрации рабочих. Предприниматели центрального района, даже те из них, кто располагал значительным количеством покупных крестьян, по разным причинам стремились обеспечивать свои предприятия покупными углем и рудой⁵⁴. Купленные крестьяне, как правило, обучались «мастерству» и использовались в качестве квалифицированных рабочих.

Несколько иная обстановка сложилась на Урале. У промышленников Урала было меньше возможностей реализации правительственных указов, разрешавших приобретать земли и крестьян. Дело в том, что, если предприниматели центрального района продавали значительную часть продукции заводов по мере её готовности, то уральские промышленники вследствие ограниченной ёмкости местного рынка для сбыта своей продукции использовали преимущественно навигационный период, то есть выручали деньги один раз в течение года. Это обязывало уральского промышленника иметь значительные оборотные средства и предостерегало его от соблазна прибегать к покупке крепостных.

Между тем уральская промышленность ощущала недостаток в неквалифицированной рабочей силе острее, чем предприятия других районов. Непомерно развитая для слабо заселённого края промышленность могла лишь в незначительной степени удовлетворять потребность во вспомогательных рабочих из местных ресурсов. Приток рабочей силы из других мест, в частности, из прилегающих к Уралу более заселённых соседних районов Европейской России, был затруднён крепостническими отношениями. Промышленники Урала и Сибири настойчиво добивались легализации приёма беглых на заводы, но правительство всякий раз отклоняло это требование, считая его противоречащим основам феодальных отношений, хотя отдельными актами оно неоднократно прикрепляло беглых к заводам.

В 1735 г. А. Демидов доносил, «что против прежнего вольные работники в Сибирь уже не приходят и едва мало таковых с указными пашпортами являющца, а с письменными, кроме печатных, кои даются с штапных дворов, принимать запрещено»⁵⁵. Поэтому промышленники одновременно с требованием признания прав на приём беглых добивались приписки к своим заводам государственных крестьян. Домогаясь получения Алапаевского завода, А. Демидов в письме (1727 г.) к А. Д. Меншикову откровенно признавался (очевидно, надеясь на помощь временщика), что он больше заинтересован в получении приписанных к Алапаевскому заводу крестьян, чем в обладании самим заводом. «А в том прошении,— писал А. Демидов,— сила та, ибо мне заводы, кроме слобод, не нужны, понеже за помощью божией, у нас и своих заводов довольно, токмо за недачею к тем вновь заведенным моим заводам крестьян часто те заводы недействительны стоят»⁵⁶. О приписке крестьян к своему Саралинскому заводу в 1729 г. просил И. Небогатов.

Характерно, что Сенат, в юрисдикции которого находилась приписка государственных крестьян, с 1711 по 1734 г. ни разу не воспользовался правом передачи крестьян

⁵⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2710, лл. 613, 642—646, ф. Берг-коллегии, кн. 987, лл. 103, 118, 134, 140.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Сената, д. 908, л. 388.

⁵⁶ С. Соловьёв. История России. Кн. IV, т. 18, стр. 936. Изд. «Общественная польза».

частным заводовладельцам. Центральные правительственные учреждения проявляли в этом вопросе по отношению к промышленникам Урала ещё большую осторожность, чем при выдаче разрешений на покупку крестьян предпринимателям центрального металлургического района⁵⁷.

Однако всё возрастающая роль уральской промышленности в экспорте и в особенности её монопольное положение в обеспечении потребностей казны медью заставили правительство пересмотреть своё отношение к приписке крестьян к частным заводам.

Жалобы промышленников на нехватку рабочей силы, если даже учитывать, что они преувеличивали своё бедственное положение, следует всё же признать основательными. Такой объективный показатель обеспеченности заводов рабочей силой, как использование производственной мощности медеплавильных и доменных печей, свидетельствовал о том, что на частных предприятиях существовал серьёзный разрыв между возможностью выплавить определённое количество чугуна или меди и фактической их добычей. Продолжительные простои из-за обычного для уральских предприятий «умалеения в прудах воды» на частных заводах значительно увеличивались из-за отсутствия заготовленной руды и угля. Среди предпринимателей Урала не было ни одного, который не относил бы это обстоятельство к главным причинам остановки заводов.

Осокины, например, в 1733 г. доносили, что если бы на их Иргинском заводе «было довольно работных людей, то б возможно было в каждой год сделать меди 1000 пуд., чугуна 60 000 пуд., железа 17 000 пуд.» вместо фактически полученных ими в 1730 г. 10 220 пудов железа и 514 пудов меди⁵⁸.

Часть владельцев медеплавильных заводов, присутствовавших на совещании уральских промышленников, состоявшемся в конце 1734 — начале 1735 г., признавала, что каждая медеплавильная печь может выдать до 350 пудов меди в год⁵⁹. Фактически ни один предприниматель, за исключением Турчанинова, не обеспечивал получения указанного числа меди с плавильной печи.

У правительства Анны Ивановны, продолжавшего политику поощрения развивавшейся металлургической промышленности, имелось три возможных способа разрешения проблемы рабочей силы: во-первых, отказ от запрещений приёма беглых на уральских заводах; во-вторых, выдача субсидий промышленникам на покупку крепостных крестьян; в-третьих, приписка государственных крестьян к заводам.

Поощрение бегства было несовместимо с принципами феодально-крепостнической системы, и поэтому, естественно, правительство не могло стать на путь признания прав промышленника нанимать беспаспортных. Наоборот, указы 20-х и особенно 30-х годов настойчиво повторяли угрозы жестокой расправы и с беглыми и с укрывшими их⁶⁰. Такого рода мероприятия если и не могли пресечь корни бегства, то во всяком случае, уменьшали количество пришельцев на уральские заводы и увеличивали риск заводо-владельцев. Именно на 30-е годы падает наибольшее число жалоб промышленников на недостаток рабочей силы.

Выдача ссуд заводовладельцам, практиковавшаяся во втором десятилетии XVIII в., прекратилась не только в 30-х годах, но даже в последние годы царствования Петра I. Выдача ссуд была связана с известным риском, у правительства не было уверенности в процветании дела, в которое вкладывались казённые суммы, а также надежды на их скорое возвращение. Эту мысль весьма чётко выразил В. Н. Татищев в 1734 г. в письме к кабинет-министрам. Он писал, что промышленникам можно было бы «деньгами вспомочь, да опасно, чтоб деньги не растеряли»⁶¹. О серьёзности оснований к такого рода опасениям свидетельствуют те немногочисленные случаи, когда заводоладельцам были выданы ссуды. В начале 30-х годов Пермский Берг-амт выдал ссуду в 3 тыс. руб. на строительство завода чиновнику горной администрации бергмейстеру П. Каркину. Ко времени смерти Каркина в 1737 г. за ним значилось казённого долга 6 654 руб. 34 коп. В 1738 г. Потаповский завод Каркина был отписан в казну, но в дальнейшем не упо-

⁵⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 167, л. 99.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 770, л. 173.

⁵⁹ СОГА, ф. Канцелярии, оп. 12, д. 5, лл. 109—110.

⁶⁰ См. ПСЗ. Т. IX, №№ 7016, 7041 и др.

⁶¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2710, л. 173.

минается среди действующих предприятий⁶². В таком же положении оказался другой заводовладелец, Ф. Ланин, которому по распоряжению томского вице-губернатора в начале 40-х годов была выдана ссуда в размере 5 тыс. рублей. В 1753 г. всё имущество заводовладельца и его поручителей было конфисковано и продано, а завод закрыт⁶³. Любопытно, что обе ссуды были выданы местными учреждениями без ведома центральных властей и в адрес местных администраторов было отправлено немало упреков за самовольство⁶⁴.

Поэтому единственной реальной возможностью обеспечения уральских заводов рабочей силой была приписка к ним государственных крестьян. Нужно сказать, что эта форма помощи устраивала как правительство, так и заводовладельцев. Приписывая крестьян к заводу, правительство обеспечивало предприятия дешёвым принудительным трудом. Это была та же ссуда, но выданная предпринимателю не деньгами, а натурой. Риск был невелик, ибо при плохом обороте дел у заводовладельца крестьян можно было вернуть. Заводовладелец не мог «растерять» крестьян, подобно деньгам, так как ему запрещалось их продавать, закладывать, менять и т. д. Приписка была выгодна и промышленнику, так как эта форма ссуды была, по сути дела, безвозвратной и он в случае успешного ведения дела мог пользоваться ею в течение неограниченного времени. Промышленники тянулись к принудительному труду не только вследствие недостатка рабочей силы, но и потому, что размер определённой плакатом 1724 г. оплаты рабочего дня приписного крестьянина был значительно ниже оплаты труда вольнонаёмного. Последнего приходилось нанимать, как писали Осокины в 1733 г., «с немалою трудностью и излишнею против настоящей цены передачею», подразумевая при этом под «настоящей» ценой низкую плакатную расценку⁶⁵.

Следовательно, инструкция В. Н. Татищеву 1734 г., разрешавшая приписку государственных крестьян к частным заводам, не была неожиданным мероприятием. Более того, правительство без колебаний расширило права Татищева, как только последний представил на этот счёт свои соображения. Инструкция Татищеву разрешала приписку крестьян только к чугунолитейным и железоделательным заводам из расчёта 100—150 дворов к домне и 30 дворов к молоту. В уже цитированном письме к кабинет-министрам Татищев просил распространить предоставленное ему право приписки крестьян не только на чугунолитейные и железоделательные, но и на медеплавильные заводы — «на всякую плавильную печь дворов по 50». Кабинет-министры своим решением от 23 декабря 1734 г. разрешили Татищеву приписывать крестьян к медеплавильным заводам в предложенной им «препорции».

Приписка государственных крестьян к частным заводам со времени приезда на Урал Татищева проводилась довольно интенсивно. До 1734 г. приписными крестьянами владел один А. Демидов, к 1751 г. их получили ещё 7 заводовладельцев; общая численность приписных крестьян составляла 11 384. Вместе с тем в заводском хозяйстве Урала начиная с 30-х годов XVIII в. повысилась роль покупных крестьян. В 1730—1740 гг. купленные крестьяне были не только у А. Демидова (первую партию он купил в 1720 г.), но и у других промышленников — Осокиных, Иноземцева, Твердышева, Н. Демидова и пр. Общая численность покупных крестьян достигала в 1751 г. 5 752 человек.

В использовании труда купленных, или так называемых посессионных, крестьян на Урале следует отметить одну существенную особенность. Если в центре страны промышленник лишь частично привлекал посессионных крестьян для выполнения заводских работ, то уральские предприниматели стремились довести их использование до максимума.

Таким образом, на частных предприятиях Урала рабочая сила состояла из следующих групп: приписанные по указам пришлые (5 532), приписные крестьяне (11 384) и купленные крестьяне (5 752); все вместе они составляли огромную по тому времени армию принудительно мобилизованных в промышленность работных людей общей чис-

⁶² Там же, кн. 1530, лл. 84, 290, ф. Берг-коллегии, д. 162, лл. 36, 56, 75, 95; СОГА, ф. Канцелярии, оп. 12, д. 154, стр. 270; д. 248, стр. 168.

⁶³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 710, л. 514.

⁶⁴ Третий случай выдачи ссуды — барону Шембергу — здесь не рассматривается, так как он выходил из обычного порядка такого рода мероприятий.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 770, л. 155.

ленностью в 22 668 человек. В формировании этой армии громадная роль принадлежала дворянскому государству.

Однако значение абсолютизма в развитии уральской промышленности не ограничивалось обеспечением заводов принудительным трудом. Государство кроме того отдавало им в бесплатное пользование источники сырья: рудники и лес.

Предприниматели центрального металлургического района, как правило, арендовали леса и рудники у вотчинников. Так, Н. Демидов для своего Дугненского завода арендовал землю у помещиков Лодыженских, уплачивая им ежегодно по 50 руб., И. Баташев арендовал рудники и лес, уплачивая по 60 руб. в год; М. Мосолов платил Боровскому монастырю, на земле которого стоял его Мышегский завод, по 15 руб. в год⁶⁶.

Подобного рода расходы у промышленников Урала составили неизмеримо меньшие суммы: в одних случаях лес и землю им бесплатно предоставляло государство, в других случаях они сами приобретали громадные лесные и земельные массивы по баснословно дешёвым ценам. К заводам А. Демидова были отведены земли и леса, площадь которых измерялась не четвертями и десятинами, а сотнями вёрст⁶⁷.

Таким образом, промышленники Урала были одновременно крупными душе- и землевладельцами. Земельные и лесные массивы, независимо от юридических прав на них промышленников, составляли важный резерв заводского хозяйства: они удешевляли сырьё и вместе с дешёвым принудительным трудом приписных и помещичьих крестьян, а также пришлых обуславливали оригинальный строй уральской промышленности и господство Урала не только в России, но отчасти и во всей Европе⁶⁸.

Изложенный материал позволяет сделать один более общий вывод, состоящий в том, что чем активнее государственная власть вмешивалась в развитие промышленности, чем больше она предоставляла предпринимателям льгот и привилегий, тем в большей степени находившиеся под её надзором отрасли производства ощущали влияние крепостнических отношений и тем дольше эти крепостнические отношения сохранялись. Абсолютизм оказывал всемерную поддержку промышленникам как центрального металлургического района, так и Урала, но в его распоряжении на Урале было неизмеримо больше реальных средств для того, чтобы поставить уральского предпринимателя в более льготные условия, чем промышленника центрального металлургического района, — там государство на правах феодальной собственности владело земельным фондом, источниками сырья и рабочей силой. Всю эту совокупность предпосылок, необходимых для строительства и эксплуатации предприятий, абсолютизм использовал для того, чтобы явления, шедшие «снизу», подкрепить мероприятиями «сверху» и ускорить темп развития промышленности.

Наш материал кроме того свидетельствует об узости рынка рабочей силы для металлургических мануфактур рассматриваемого времени. Даже в центральном промышленном районе разложение феодально-крепостнических отношений не достигло того уровня, при котором развивавшаяся промышленность могла бы использовать создававшиеся в деревне резервы крестьянского труда. Массы оброчных крестьян с покормежными письмами избегали работы на мануфактуре, пытаясь найти заработок и «прокормление» на всякого рода сезонных работах и в мелком производстве, где отсутствовала угроза закрепления за предприятием.

Наконец следует отметить, что в первой половине XVIII в. в комплектовании рабочей силы на предприятиях центрального металлургического района и Урала было много общего. Оригинальные особенности промышленного строя Урала, о которых говорит В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России», имели место и в центральном металлургическом районе; однако в дальнейшем в связи с более интенсивным развитием капиталистических отношений и по другим причинам эти особенности исчезли раньше, чем на Урале, и к концу XIX в. не давали себя знать «на весьма важных сторонах горнозаводского быта»⁶⁹.

⁶⁶ СОГА, ф. Канцелярии главного управления сибирских и казанских заводов, оп. 12, д. 5, л. 103.

⁶⁷ См. Б. Кафенгауз, Указ. соч., стр. 226.

⁶⁸ См. В. И. Ленин, Соч. Т. 3, стр. 424.

⁶⁹ Там же.

Вопросы, выдвинутые статьёй Е. И. Заозерской⁷⁰, могут быть предметом специального исследования. В настоящей статье мы лишь укажем причины, которые, с нашей точки зрения, помешали Е. И. Заозерской успешно справиться с задачей, которую она перед собой поставила.

Нужно признать, что самый принцип периодизации Е. И. Заозерской, в основе которого лежит установление граней между этапами по количественным изменениям, не может быть принят. Добавим, что при внимательном изучении статьи Е. И. Заозерской можно установить, что этот принцип, по существу, покоится всего лишь на изменении количества мануфактур.

Уязвимым местом построения Е. И. Заозерской является то, что она рассматривает отдельные явления социально-экономической истории изолированно, вне связи друг с другом.

Автор отмечает существенные сдвиги, происходившие на протяжении XVII—XVIII вв. в развитии крестьянской промышленности. Историю мануфактурного производства Е. И. Заозерская делит на три периода, отличающиеся друг от друга количеством предприятий и тем, кому они принадлежали: начало первого периода в развитии крупного производства относится к 20—30-м годам XVII в.; второй период в истории крупной промышленности, по мнению автора, наступает в 1710-е годы, когда появляются купеческие мануфактуры; третий — относится к концу XVIII в., когда ведущее значение в промышленности приобрела купеческая мануфактура⁷¹.

Сущность изменений в сельском хозяйстве состояла в попытках помещиков приспособить своё хозяйство «к новым экономическим условиям, выводящим его из сферы замкнутости к широким рыночным отношениям», а также в выделении из среды крестьянства «прожиточных мужиков»⁷².

Переходя к характеристике торговли, автор приходит к выводу, что «на протяжении XVII—XVIII вв. наблюдается единый процесс роста товарного обращения в пределах складывавшегося широкого всероссийского рынка»⁷³.

«Генеральной линией» классовой борьбы остаётся борьба крестьян против помещиков⁷⁴.

Эти утверждения Е. И. Заозерской, выраженные в самой общей форме, не вызывают возражений; в литературе они не новы. Однако одного перечисления этих явлений, подтверждённых соответствующими иллюстрациями, совершенно недостаточно для установления граней между этапами «нового периода» истории России. Необходимо установить взаимосвязь между ними и в результате их комплексного рассмотрения найти совокупность качественных отличий, дающих основание для выделения какого-либо этапа. Этого в статье не сделано.

Так, в качестве начальной грани нового периода взяты 1620—1630-е годы на том основании, что в эти годы в стране появились устойчивые мануфактуры. С фактом возникновения мануфактур нельзя не считаться, но предлагаемую грань необходимо обосновать сдвигами в других областях социально-экономической и политической истории России. Конечно, нельзя требовать, чтобы весь комплекс сложных изменений происходил синхронно и ограничивался пределами одного десятилетия, но учёт всех факторов, дающих качественные сдвиги, по нашему мнению, является неременным условием всякой периодизации.

Ещё менее убедительной является грань второго периода — 1710-е годы. Единое и цельное (по крайней мере с конца XVII в.) по своему социально-экономическому и политическому содержанию время царствования Петра I оказалось разделённым на том основании, что в стране появилось два — три десятка частных мануфактур. Важно отметить, что Е. И. Заозерская в подтверждение намеченной ею грани не указывает, да, к слову сказать, и не может указать, на наличие каких-либо качественных сдвигов в сельском хозяйстве, в торговле, а также изменений в государственном аппарате.

⁷⁰ Е. Заозерская. К вопросу о сущности и основных этапах «нового периода» в истории России. «Вопросы истории» № 12 за 1951 год.

⁷¹ См. там же, стр. 99, 100, 102.

⁷² Там же, стр. 108.

⁷³ Там же, стр. 111.

⁷⁴ См. там же, стр. 116.

Опубликованный выше конкретный материал по одному из частных вопросов социально-экономической истории России также противоречит попытке установления грани в 1710-х годах.

Вызывает сомнение попытка обойти такую грань в истории «нового периода», как 50—60-е годы XVIII века. В течение названных десятилетий в развитии производительных сил и производственных отношений страны происходили серьёзные внутренние процессы, свидетельствовавшие о начале разложения феодального строя и формирования капиталистического уклада: оброчный крестьянин пошёл работать на мануфактуру; значительная часть дворянства стала заниматься непривычным для неё строительством промышленных предприятий и введением сельскохозяйственных улучшений в вотчинах; происходит секуляризация монастырских имений; отменяются внутренние пошлины и т. д. Отражением этих процессов в народных массах была крестьянская война под руководством Е. И. Пугачёва, а в среде господствующего класса — деятельность Уложенной комиссии. В связи с этим следует сделать ещё одно замечание.

Е. И. Заозерская грань этапоз устанавливает после классовых битв, потрясавших Русское государство XVII в. и чиновничье-дворянскую империю XVIII в., причём разрыв между временем Астраханского восстания и восстания на Дону и началом второго этапа составляет одно десятилетие, а между восстанием под руководством Е. И. Пугачёва и началом третьего этапа — два десятилетия. С этим также вряд ли можно согласиться, так как известно, что выступления народных масс обуславливались глубокими причинами, созревшими задолго до их начала. Правильно подчёркивая антифеодальный характер выступлений народных масс, Е. И. Заозерская в то же время не отмечает существовавших между ними качественных различий. Между тем, например, народная война под руководством Е. И. Пугачёва отличалась от аналогичных выступлений в XVII—начале XVIII в. и своей организованностью и составом участников.

Всё это свидетельствует о том, что периодизация, принятая Институтом истории при разработке многотомной истории СССР, является более правильной, чем та, которую предлагает Е. И. Заозерская, а именно: 20-е годы XVII в. — конец XVII в., конец XVII в. — 50-е годы XVIII в., 50-е годы XVIII в. — конец XVIII века.